

Колесникова Е. Я.

О ТЕРМИНЕ И КОНЦЕПТЕ «ОБРАЗ»

Статья посвящена выявлению внутренней структуры «образа», путей его развития у индивидуума и коллектива, роли личностного сегмента в значении «образа».

Ключевые слова: образ, концепт, ассоциативная связь.

Колеснікова О. Я. Про термін і концепт «образ». *Статтю присвячено висвітленню внутрішньої структури «образу», напрямків його розвитку як в індивідуальній, так і в колективній концептосфері, ролі індивідуального сегмента в ідеографічному значенні «образа».*

Ключові слова: образ, концепт, асоціативний зв'язок.

Kolesnikova O. Y. Concerning the term and the concept "image".

The paper is devoted to the analysis of the inner structure of the "image", the ways it develops both in the individual mentality and that of the group, and also to the significance of the personal segment in the meaning of "image".

Key words: *image, concept, associative connection.*

Определяя слово *термин*, общие и специальные словари отмечают четыре его основные характеристики: 1) принадлежность к специфической терминосистеме; 2) наличие классификационной дефиниции; 3) (желательная) однозначность; 4) стилистическая нейтральность. Указанные и некоторые более частные требования к термину, в основном, сохраняются в каждой отдельной терминосистеме. Осложнения наступают в случае использования одного и того же слова/словосочетания в качестве термина в различающихся научных теориях и разных науках, особенно в случае частичного совпадения предметной области последних: «Основная причина дестабилизации терминов кроется в их принадлежности разным системам» [2, 147].

Сказанное хорошо иллюстрируется термином *образ*, его дефинициями в эстетике, психологии, литературоведении, философии, семиотике, теологии, семантике, ономазиологии, стилистике, математике, поэтике, когнитологии, логике, а также историей его определения и функционирования в интересующей нас области - лингвистике текста, прежде всего, в той его части, которая иногда именуется образной системой текста.

Поиски первых дефиниций *образа*, естественно, приводят всех исследователей к Аристотелю, что связано, во-первых, с его разграничением задач историка и поэта («один говорит о том, что было, другой - о том, что могло бы быть») и, во-вторых, с его учением о мимезисе - художественном подражании жизни [1].

Внутренняя форма слова *образ* и его английского эквивалента *image* достаточно прозрачна. Один происходит от *образити* - изображать, нари-

совать, другой - от лат. *imago* - подобие, статуя, родственного лат. *imitari* - имитировать, репродуцировать подобие. Востребованность термина разными науками отразилась на его словарной судьбе: современные толковые словари помещают в словарную статью «образ» от 6 до 14 значений с разбросом от «матем.», «фотогр.», «физич.», «компьют.» до «психол.», «стилист.», «филос.» [20; 21; 22].

Образ оказался одним из терминов, чрезвычайно активно вовлеченных в процесс смены научных парадигм гуманитарных наук, происходивший со второй половины XX в. «В лингвистике [эта смена] выразилась прежде всего в отказе от «импорта» критериев точных наук», в повышенном внимании к «субъектной тенденции, ориентированной на говорящего/пишущего» [3, 17].

Краткий обзор филологических справочников/энциклопедий/словарей показывает, что трактовка *образа*, прямо или опосредованно присутствующая в них, подчеркивает эстетическую природу феномена, обозначенного данным термином.

Философские справочные издания концентрируются на образе как форме отражения объекта в сознании человека; психологические [20, 21] - на образе как чувственной форме психологического явления.

Огромный вклад в понимание сущности и структуры *образа*, внесли психологи середины XXст. - Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Н. И. Жинкин. Их революционные идеи и разработки составили надежный фундамент для дальнейшего развития в русле когнитивной парадигмы, представляющей «одно из самых перспективных направлений в исследованиях междисциплинарного характера, изучающего феномены человеческого бытия как восприятие мира и отражение в голове человека... и предлагающих «обновление старых взглядов». Именно в рамках последнего происходит переоценка, пересмотр, уточнение, систематизация и данных, накопленных ранее, и появившихся в последние 2-3 десятилетия. *Образ*, в этом свете, предстает как сложный многоуровневый феномен, единая интегративная сущность которого проявляется в единстве как модальных, так и амодальных составляющих сознания. Определяется, что переработка человеком информации осуществляется одновременно в системе как минимум трех основных модальностей опыта: 1) через знак; 2) через образ; 3) через чувственное впечатление, т.е. через словесно-речевой способ кодирования информации, через визуально-пространственный и через чувственно-сенсорный. Иначе говоря, «когда мы нечто понимаем, мы это словесно определяем, мысленно видим и чувствуем» [19, 112]. Л. М. Веккер, выдвигая свою единую теорию психических процессов, аналогично утверждает, что работу мысли обеспечивают три языка - знаково-словесный, пространственно-образный, тактильно-кинестетический.

В приведенных соображениях обращает на себя внимание объединение всех человеческих когнитивных структур (восприятие, язык, мышление, память, действие) в рамках одной общей задачи, стоящей перед ними - «осуществление процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые собственно и определяют сущность человеческого разума» [15, 41].

КОЛЕСНИКОВА Е.Я. О ТЕРМИНЕ И КОНЦЕПТЕ «ОБРАЗ»

Еще в концепции Н. И. Жинкина, развиваемой им в течение всей второй половины XX века, сенсорика и интеллект являются комплементарными механизмами для приема и обработки информации. Успешность ее передачи в коммуникативном процессе зависит от работы важного механизма речемыслительной деятельности - внутренней речи, которая реализуется через УПК - универсальный предметный код - субъективный язык, не осознаваемый человеком и функционирующий на стыке интеллекта и речи, где «совершается перевод мысли на язык человека». Иными словами, при коммуникации именно УПК адресата преобразует речь адресанта в отрезок действительности и «возникает денотат, учет которого соответствует акту понимания». Денотатом, в терминологии Н. И. Жинкина, обозначается ментальный образ предмета речи.

Здесь чрезвычайно важно подчеркнуть субъективный характер «универсального предметного кода» и его составляющих - ментальных образов. Любой образ сознания, даже образ, связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощен в чувственном и сенсорном материале, т.е. имеет личностный смысл. Значение - это аспект активности мозга, структурированного в соответствии с телом, которому он служит, в связи с чем, по-видимому, нецелесообразно подразделять значения на объективные и субъективные. Значение всегда находится не вне мозга человека, «само по себе», но внутри. Оно является, по Л. С. Выготскому, единством общения и обобщения, взаимодействием процессов, приводящих к соответствию системного (социально признанного) значения слова и участка личностной картины мира, «высвечиваемого» им, и индивидуально различающихся в связи с уникальностью набора и состава продуктов переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта каждого субъекта.

О непосредственной связи символа и образа пишет Н. Д. Арутюнова: «Предтечей» общесемиотических концептов *знак* и *символ* является концепт *образ*. <...> Даже простой перечень составных его деривативного гнезда показывает долю участия этого концепта в формировании сознания» [2, 148].

Словосочетание «концепт *образ*», на первый взгляд, представляется тавтологическим. Действительно, за «концептом» прочно закрепилась дефиниция «ментальный образ». Однако между двумя терминами, при том, что их нередко используют в синонимической взаимозаменяемости, существуют серьезные различия - ср., напр., «Концепт мы трактуем расширительно, подводя под это обозначение разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия. В своей совокупности они объединяются в систему, называемую нами концептуальной системой», или же «концептуальной моделью мира» [10, 143 - выделено автором].

Иными словами, термином **концепт** означает более широкий спектр ментальных сущностей, что позволяет говорить о структуризации концепта, которую представляют как разноаспектную, развивающуюся и усложняющуюся по мере своего развития составляющую сознания, включающую образ в качестве одного из своих элементов.

Убедительными представляются выводы В. И. Карасика, который выделяет в структуре концепта три основных компонента: образно-перцептивный, понятийный (информационно-фактуальный) и ценностный (оценка и поведенческие нормы) [7, 118].

Практически все исследования и *образа*, и *концепта*, названные выше, а также не названные в данной работе, проводились на материале слова: «Если когнитивный анализ направлен, прежде всего, на определение тех конкретных структур знания, которые стоят за той или иной языковой формой, то концептуальный анализ направлен буквально на установление концептуальной структуры, которая стоит за рассматриваемой языковой формой [9, 13].

Однако, означивание (оречевление, материализация, овнешнение, объективация, вербализация) концепта словом не предполагает их единственно возможной двусторонней связи: «К одному и тому же концепту можно апеллировать («входить в него») при помощи языковых единиц различных уровней. <...> В различных коммуникативных контекстах одна и та же единица может быть входом в разные концепты и наоборот» [8, 13]. Следовательно, лексикографически закрепленное значение слова не есть слепок концепта и его перцептивного ядра - образа: «Слово не опредмечивает образ сознания, а только указывает на него с помощью «тела» знака [17, 25].

В тридцатых годах XXв. вышла сравнительно небольшая статья Л. В. Щербы, где он предложил раздельно рассматривать речевую деятельность как процесс понимания и говорения; языковую систему, выведенную из множества этих актов и зафиксированную словарями и грамматиками языка; и языковой материал как совокупность всего, что говорится и понимается. Он выделил и психофизиологический механизм человека как его речевую организацию, т.е. как единство процесса и продукта, где «в качестве последнего выступает *индивидуальная система концептов* и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи» [5, 6; *выделено нами - Е.К.*].

В слове как овеществлении концепта, таким образом, присутствуют два аспекта: системно-языковой, генерализованный, «объективный», «общий для всех», необходимый для коммуникативной деятельности социума, и личностный, исходящий из субъективных ассоциативных связей фрагментов индивидуальной картины мира каждого члена социума. Исследованием первого аспекта языкового знака занимались многие поколения филологов. Исследования второго активизировались в последние два-три десятилетия, хотя, как уже упоминалось, о важности субъективного фактора в языке/речи/речевой деятельности психологи/психолингвисты говорили и ранее: «Процесс мышления есть одновременно процесс движения знания в нем <...>. Актуализация знаний происходит через образовавшиеся в опыте ассоциативные связи, ибо ассоциация сама есть форма синтеза, за которым стоит анализ» [16, 130].

В актах речевой деятельности отсутствуют такие, в которых отсутствует субъект: «Все, что сказано, сказано наблюдателем. В любом описании обязательно присутствует внутренняя психическая организация и внутренен

КОЛЕСНИКОВА Е.Я. О ТЕРМИНЕ И КОНЦЕПТЕ «ОБРАЗ»

нее состояние наблюдающего» [14]. Наблюдающий, нарратор, заявленный автор - все они передают увиденное, услышанное, прочувствованное со своей точки зрения, со своими «ассоциативными связями любого типа, действующими на любом уровне психической деятельности человека. Индивидуальная память человека - это хранилище ассоциаций <...>. Связываются между собой, т.е. ассоциируются вместе в один образ прежде разобщенные образы восприятия, памяти, собственных действий» [12, 106].

Огромная роль ассоциаций в психических процессах нашла свое выражение в выделении *ассоциативного значения* слова, которое определяется как основа когнитивной организации опыта индивидуума. Оно выявляется в ходе экспериментальных исследований и, в отличие от категориального значения, характеризуется широким разбросом индивидуально вычленяемых семантических связей. Составленные на основании экспериментально полученных данных, первые ассоциативные словари появились во второй половине - конце XX-го века.

Ассоциативное значение многоаспектно, оно включает перцептивный, когнитивный, аффективный, вербальный и невербальный, индивидуальный и социальный опыт индивидуума и служит доказательством принципиального единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов. Ядро ассоциативного тезауруса индивида составляют слова с высоким количеством ассоциативных связей. В процессе проведения экспериментов оказалось, что около 60% всего индивидуального ментального лексикона составляют единицы с одной ассоциативной связью, тогда как, например, для английского языка были обнаружены слова с количеством входящих связей 1087 (*me*) и 1071 (*man*). Они и следующие за ними составили ядро лексикона, в котором отражается наивная картина мира. Они усваиваются ребенком первыми, обладают высокой степенью конкретности, образности, эмоциональности [6].

Движение и развитие ментальной жизни человека зиждется на ассоциативных связях: «Многое из того, что считается в человеческой среде мыслью, основано на случайных ассоциациях», а принятая «по уговору» система значений является лишь *медиатором*, обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном личностном опыте» [4, 50].

Исследователи настаивают не только на индивидуальном характере ассоциативных связей ментальных образов, но и на уникальности последних в сознании каждого человека. Например, Анна Вежбицка, исходя из субъективности ментальных образов каждого индивидуума, полагает, что даже для носителей одного языка за обыденными словами типа «чашка» стоят разные образы/концепты. В зависимости от полноты представляемого ими смысла она делит их на концепты-минимум и концепты-максимум, упоминая также о возможностях приращения смыслов в виде «добавок».

Лексикографически зафиксированная часть вербализованного концепта является основой коммуникативного существования социума, «Смыслы нельзя исследовать в отвлечении от говорения и понимания как процессов взаимодействия психических субъектов <...> в связи с чем, компьютерное

моделирование понимания невозможно на уровне высказывания, ибо требует привлечения знаний о мире как автора высказывания, так и адресата» [18, 2-3].

Сказанное выше понятно, если учесть, что «общее» для социума слово вербализует лишь часть ментального образа: «Индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные, от микрогрупповых до общечеловеческих, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Эта производная образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений <...>. В составе концепта можно выделить ценностный, образный (образно-перцептивный и образно-метафорический) и понятийный (актуальный) компоненты. Последний хранится в сознании в вербальной форме - это то, как мы можем обозначить концепт и раскрыть его место в системе концептов. Образный же компонент невербален и поддается лишь описанию и интерпретации» [8, 13]. «Средой обитания образов является человеческое сознание; в нем они субъективно окрашены и погружены в ассоциативные отношения. Недоопределенность содержательной стороны образа не позволяет ему быть объектом понимания: образы интерпретируются и осмысливаются» [2, 153].

«Недоопределенность содержательной стороны образа», существующая не для «себя», его хранителя, а для «другого» - возможного коммуниканта, объясняется перцептивной основой образа. Впервые об образе как умственном воспроизведении, воспоминании чувственного или запечатленного в ощущениях *личного* прошлого опыта написал в своем труде «Исследование человеческих способностей и их развитие (*Inquiries into Human Faculties*) Френсис Гальтон (*Francis Galton, 1822-1911*), английский психолог и антрополог, кузен Чарльза Дарвина. Об образе как «остатке, воспроизведении чувственного восприятия в сознании» писал почти столетие назад и основоположник английской стилистики Айвор Амстронг Ричардс.

Следовательно, личностная (индивидуальная, субъективная) составляющая является неотъемлемым компонентом ментального образа.

В 60-х гг. прошлого века был предложен «пирамидальный» подход к рассмотрению диалогической партии персонажа художественного текста, основание которой составляет общеязыковой пласт, на него наслаивается социально-групповой (профессиональный, гендерный, возрастной, территориальный и под.) сегмент и, наконец, венчает пирамиду слой индивидуальный, который наиболее существенно отличает данную языковую личность от прочих как в количественном, так и в качественном аспекте, а именно: повышенной/пониженной частотностью употребления определенных языковых единиц и их форм, а также их «своими» значениями [11].

Экстраполируя сказанное на ментальные основания речепроизводства, можно предположить, что «пирамида» идиолекта является вторичной, отражающей структуру как единичного концепта, так и всей концептуальной системы индивидуума. Более того, индивидуальный сегмент ментального образа, представляющий эмоционально-оценочный аспект последнего, не

редко выступает основным в познавательной и коммуникативной деятельности человека.

Схема идиолекта не ограничивается «пирамидой» и индивидуальность речевой партии не реализуется исключительно за счет верхушки пирамиды, ибо *каждый* сегмент структурирован по полевому принципу. Состав и плотность ядра, количество периферий, их насыщенность «образами» тоже носят индивидуальный характер, так же, как и в «пирамиде» концептуальной картины мира каждого конкретного индивидуума со всем разнообразием только ему одновременно присущих психо-физических и социальных характеристик.

Итак, независимо от сложности отображаемого объекта/явления, его ментальный образ-концепт структурирован, и в составе этой структуры содержится субъективный компонент, отпечаток личного опыта «хозяина» - включенный в концептуальную систему последнего, его картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко - М: Языки слав. культуры, 2002. - 302 с.
2. Арутюнова Н. Д. От образа к знаку / Н. Д. Арутюнова // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. - М.: Центр. АН СССР, 1998. - С. 147 - 162.
3. Вдовиченко А. В. Расставание с языком. Критическая ретроспектива лингвистического знания / А. В. Вдовиченко. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. - 512 с.
4. Залевская А. А. Некоторые особенности естественного семиозиса / А. А. Залевская // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. - Тверь: ТГУ, 2004. - С. 49 - 61.
5. Залевская А. А. Проблема признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при межэтнических контактах / А. А. Залевская // Этно - психолингвистические проблемы языкового сознания. - М.: УРСС, 1996. - С. 163 - 175.
6. Золотова Н. О. Понятие посредник и медиативная функция единиц ядра ментального лексикона / Н. О. Золотова // Слово и текст: психолингвистический подход. - Тверь: ТГУ, 2006. - Вып.6. - С. 64 - 70.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. - Волгоград, 2007. - С.12 - 13.
9. Кубрякова Е. С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: совр. направления исследований: Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т яз-ния. - М., Калуга: Эйдос, 2007. - С. 7 - 18.
10. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебrenникова. - М.: Наука, 1988. - С. 141 - 172.
11. Кухаренко В. А. Лингвистический аспект изучения индивидуального стиля автора / В. А. Кухаренко // Тезисы докл. всесоюз. конф. - Т. 2. - Иркутск, 1969. - С. 33 - 34.
12. Лебедев А. Н. Память человека, её механизмы и границы / А. Н. Лебедев // Исследования памяти. - М.: Наука, 1990. - С. 104 - 118.
13. Леонтьев А. А. Формы существования значения / А. А. Леонтьев // Психолингвистические проблемы семантики. - М.: Наука, 1983. - С. 5 - 20.
14. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира в контексте гуманитарного и филологического знания / Ж. Н. Маслова // Когнитивия. Коммуникация. Дискурс. - Напрямок «Филология» - Міжнар. електрон. зб. наук. праць. - №3. - 2011, Харьков. - С.42 - 52.
15. Петров В. В. Язык и логическая теория : в поисках новой парадигмы / В. В. Петров // ВЯ. - 1988. - №2. - С. 39 - 48.

16. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн. - М.: Изд. АН СССР, 1958. - 328 с.
17. Уфимцева Н. Ф., Е. Ф. Тарасов. Проблемы изучения языкового сознания / Н. Ф. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. - 2009. - Вып.2(10). - С. 22 - 29.
18. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р. М. Фрумкина // Научно - техническая информация. - Серия 2: Инф. процессы и системы. - 1992Б. - №3. - С. 1 - 8.
19. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования / М. А. Холодная. - 2-ое изд. - СПб: Питер, 2002. - 272с.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

20. Психологический словарь — Электрон. ресурс — <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=517>
21. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова.— Полтава: Довкілля-К, 2006.— 716с.
22. Merriam-Webster, 2009 — электрон. версия: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/image?show=0&ш=1313343530> *Стаття надійшла до редакції 20.08.2013 р.*